

Откровенное интервью с участником СВО. О войне, украинском плене и депутате Иване Николаеве, который судится с его матерью

Category: Власть, Мнение, Общество, Политика

08.09.2025

Денис Комаров – старший прапорщик Российской Армии. В феврале 2022 года он стал добровольцем, подписал контракт с Министерством обороны и отправился в зону проведения специальной военной операции. А ровно через два года пропал без вести. Мать Дениса Галина Николаевна Федотова до последнего отказывалась обращаться в суд для того, чтобы сына признали погибшим. О его судьбе ничего не было известно 16 месяцев. В июне 2025 года в ходе обмена военнопленными между Россией и Украиной Денис Комаров вернулся на Родину. Рано утром позвонил матери по видеосвязи из госпиталя в Москве и сообщил, что живой. А

спустя несколько дней узнал, что пока он находился в лагере для военнопленных, муниципальная строительная компания «Пензгорстройзаказчик» подала на его маму в суд и требует опровержения интервью, в котором она рассказала о том, что ей пришлось столкнуться с хамством работников муниципального застройщика при переселении жителей в рамках программы комплексного развития территории.

Корреспондент МедиаПензы встретился с Денисом Комаровым после его освобождения из украинского плена. Сегодня мы представляем вашему вниманию откровенное интервью российского военнослужащего об участии в СВО, пребывании в лагере, возвращении на Родину, об отношении к АО «Пензгорстройзаказчик» и его генеральному директору, депутату Законодательного Собрания Пензенской области от «Единой России» Ивану Николаеву.

– Как давно Вы служите в армии?

– В 2005 году я ушёл на срочку, потом подписал первый контракт, отучился в школе прапорщиков. Когда контракт закончился, вернулся к обычной жизни. А как только началась специальная военная операция записался добровольцем. Я не мог поступить по другому, меня так воспитали. Ещё в феврале 2022 года пришёл в военкомат, подписал контракт, но прапорщики не сильно были нужны, я ждал назначения долго. В итоге на фронт я попал только в мае, был командиром взвода обеспечения.

– Как мама отреагировала на то, что Вы подписали контракт с Министерством обороны и отправились на СВО?

– Я ей не говорил ничего, уехал по тихому, мы тогда в ссоре были. Бабушке сказал, что поехал работать водителем троллейбуса в Самару. Но, конечно, мама очень быстро всё поняла. Потом ей знакомый врач сказал, что я проходил медкомиссию. В августе 2022 года я приехал в Пензу после госпиталя и она мне тогда сказала, что всё знала.

– В госпитале лежали с ранением?

– Да, мне две операции сделали, а потом был положен отпуск. После отпуска вернулся в часть и обратно на СВО.

– Вы знали про программу комплексного развития территории улицы Измайлова и про эту историю с квартирой Вашей мамы, которую она рассказала в интервью МедиаПензе?

– Нет. Расселение началось в апреле 2024 года, на тот момент я уже два месяца находился в украинском плену и никакой связи с родными у меня не было. Я узнал об этом и о том, «Пензгорстройзаказчик», директор которого депутат Николаев, подал на маму в суд только когда был в госпитале в Москве после обмена военнопленных. Она мне ничего не говорила, наверно, чтобы не

расстраивать меня. Мне об этом рассказал мой друг, а я уже позвонил маме и спросил, что случилось? Потом узнал о хамстве и унижениях, с которыми она столкнулась, когда её пытались переселить.

– Когда Вас обменяли?

– 14 июня был обмен. 16 месяцев я провёл в лагере в районе Кривого Рога.

– Как украинцы обращаются в плену с российскими военнопленными?

– Смотря кто. Там были инспектора, это те же военнослужащие, только которые не хотят идти на войну. И если молодые, то это прям п...сы. Особенно самые молодые, тем которым по 20-25 лет. А те, которые были старше 35 лет, относились лояльно. Видимо, это связано с тем, что люди постарше воспитаны в другое время.

– А в чём выражалось это отношение молодых инспекторов?

– Прежде чем я попал в лагерь, было ещё несколько точек, где мы останавливались. До лагеря ещё надо было доехать. Если доехал, то останешься живой. На этих точках тебя могло не стать в любой день, в любой час, в любую минуту.

– Могли расстрелять?

– Да. Причём просто не за что. Подошли, выбрали тебя и сделали показательно. Так просто, чтобы другим не повадно было.

– В лагере какие условия были? Чем вы там занимались?

– Промка, работа, вязали сетки. Там тоже отдельная история. Ну было где спать, питание было. Они там стараются придерживаться Женевской конвенции об обращении с военнопленными. Это не значит, что придерживаются, но стараются. В общем, обычный лагерь для «військовополонених».

– После обмена Вы лежали в госпитале в Москве. Из плена Вас доставили с выбитой коленкой. Коленку выбили в лагере?

– Нет. Это произошло, когда меня в плен брали. Со мной был ещё один товарищ из моей группы. На него «птичка» сбросила две гранаты, у него была перебита рука и пробито лёгкое. А мне просто сломали ногу и всё.

– И всё время в плену Вы были со сломанной ногой? Какое-то лечение было?

– Вкололи обезболивающее и дали костыли. Вот и всё лечение. Лечить начали только в России после обмена, а операция ещё только предстоит в марте следующего года. Там коленки нет, всё раздроблено.

– Как Вы узнали про то, что Вас обменяют? Какие ощущения у Вас были на тот

момент?

– Мы вышли на промку во вторую смену. Сначала зашли в курилку, сидим, курим. Забегает их лейтенант и говорит: кого называю – выходят. Куда? Зачем? Ничего не сказали. И тут он мне кричит: Комаров! А потом спрашивает: домой хочешь? А кто же не хочет. Ну я поковылял, а сам думаю: издеваются опять. Нас отвели в карантинную зону, туда уже пришёл подполковник и говорит: «Я так не должен, конечно, говорить, но я вас поздравляю, вы едете домой». Я не верил, потому что я столько обменов пролетал мимо. Знаю как эти обмены проходят, сколько людей слетают, не верилось, что удастся выбраться. Были случаи, когда человека записывали на обмен, увозили, а потом он возвращался обратно. Даже когда нас в Беларуси уже обменяли, я не верил. Осознание пришло, наверно, только когда я вышел из самолёта в Москве.

– Как происходил обмен?

– Нас привезли в Беларусь, на границу. Там стояли белорусские пограничники. Но нас встречали наши. Нас переодели, дали нам по два пакета с едой и на автобусах повезли в аэропорт. Через час мы были уже в Москве, с аэропорта меня сразу повезли в госпиталь. В палате встретил сослуживца со своей части. Он меня спросил: «Домой звонил?». А поздно уже было, около полуночи, я не решился матери позвонить. Думаю, всю ночь спать не будет. Она 16 месяцев ничего не знала о том, где я нахожусь. Рано утром позвонил по видеосвязи, стало легче. Но всё равно до конца не понимал, что произошло. Для меня дом уже стал каким-то далёким, мифическим, как сказка. Вроде и есть, а вроде и нет.

– Вы лежали в госпитале, когда узнали о том, что Ваша мама является ответчиком по иску АО «Пензгорстройзаказчик». Какие чувства у Вас возникли в этот момент? Как Вы отреагировали?

– Я был в ярости, мягко говоря. Я хотел бы посмотреть в лицо Николаеву, кем бы он там не был и какими связями он бы не прикрывался. Он слишком вольготно себя чувствует.

– Какую бы характеристику Вы дали Николаеву в связи с его действиями?

– Одним словом можно ответить?

– Конечно.

– ...

– Мы это не сможем опубликовать. Потому, что следующий иск тогда будет уже к Вам.

– Ради бога. Ну, бессовестный, подлый, наглый, циничный, надменный. Можно много эпитетов привести. Как ещё охарактеризовать такого человека и вообще

эту ситуацию? Пока я числился пропавшим без вести, какой-то хмырь-депутат подал на мою маму в суд и хочет, чтобы она отказалась от своих слов и опубликовала опровержение. Оказалось, что моей маме нахамил офисная секретутка, работница это хмыря-депутата. Об этом мама рассказала журналистам, что ей нахамили в строительной компании. И за это она теперь должна извиняться?!

Вот нам там говорят: ребята, не волнуйтесь, пока вы на передке, о ваших родных позаботятся, что вся страна нас поддерживает. И это правда, мы чувствуем эту поддержку. Но оказывается, есть и другие... Что он творит? Говорят, он родственник губернатора, поэтому так себя ведёт...

— Вы что-то планируете делать в связи с этим?

— Сейчас пишу письмо Президенту о том, как на самом деле заботятся о наших родных, о наших близких, пока мы там воюем за нашу страну.

— Представитель АО «Пензгорстройзаказчик» в суде заявляет, что они защищают свою деловую репутацию...

— Они сами свою репутацию растоптали. Я считаю, что такой человек, как Николаев не имеет никакого морального права возглавлять муниципальную строительную компанию и быть депутатом Законодательного Собрания. Какой смысл бодаться с Вами, с моей мамой? Требовать с вас деньги? Что вы такого сделали? Вы опубликовали интервью с моей мамой. Она рассказала о ситуации так как она её видит, о своих чувствах и переживаниях. Там нет никакого вранья, неправды, клеветы. А её потащили в суд. Я считаю, что это просто подлость и издевательство над матерью участника СВО со стороны Николаева, который знал, что я на тот момент не мог защитить маму от этих нападок.

— Я не знаю, если честно, зачем им с нами судиться. «Пензгорстройзаказчик» подал на нас три исковых заявления. Мы несколько раз предлагали заключить мировое соглашение конкретно по этому иску, чтобы избавить Галину Николаевну от участия в судах. Но Николаев не пошёл на это. Возможно им просто нравится, что мы про них пишем после каждого судебного заседания. Ладно, бог с ними. Что Вы планируете делать после отпуска? Вас должны демобилизовать?

— Я хочу продолжать службу. В марте мне сделают операцию, а там видно будет, возможно даже вернусь на СВО.